

УДК 808

О.С. ХРАМУШИНА

(*hramushina.olga.angel@mail.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ЭВФЕМИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ
(на примере смягчающих наименований в поэзии А.С. Пушкина)***

Анализируются стихотворные тексты А.С. Пушкина с точки зрения наличия в них смягчающих наименований. Рассматриваются функциональные типы эвфемизмов и предпочтительные способы образования эвфемистических наименований в его поэзии.

Ключевые слова: Пушкин, поэзия, эвфемизм; фигура речи, идиостиль.

Эвфемизм (греч. *εὐφημισμός* ‘благоречие’ < *εὖ* ‘хорошо, благородно’, *φῆμι* ‘говорю’) – выражение, используемое для завуалированного обозначения того, что в данной ситуации неуместно обозначать прямым наименованием» [8, с. 669]. Процесс эвфемизации проходит в литературном языке чрезвычайно интенсивно, т.к. эвфемизмы заменяют здесь слова неприличные, грубые, с негативной эмоциональной окраской [12, с. 138]. Среди ученых нет единой точки зрения по поводу классификации эвфемизмов. Л.П. Крысин предложил тематическую классификацию; к сферам, предполагающим употребление эвфемистической зашифровки, он относит определенные физиологические процессы и состояния; отдельные части тела, относящиеся к «телесному низу»; отношения между полами; болезнь и смерть [4]. Е.П. Сенчиковой была разработана морфологическая классификация. Автор членит эвфемизмы по частеречной принадлежности: имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, глаголы, наречия, безлично-предикативные слова, междометия, звукоподражательные слова, частицы [20, с. 70]. На наш взгляд, данная классификация имеет сугубо формальный характер, что вступает в конфликт с сущностью эвфемизма, для которого значимы *смысл и функция*, а не принадлежность к той или иной части речи. Мы считаем более целесообразным классифицировать эвфемизмы в соответствии с их речевыми *функциями*. Известны шесть функций эвфемизмов [9, с. 353–356]:

1. Л.А. Булаховский определяет эвфемизмы как «слова или выражения, заменяющие точные названия пугающих предметов или явлений и дающие возможность говорить о них без “опасности” вызвать стоящие за словом злые силы» [8, с. 674]. Таким образом, автор дает узкое понимание эвфемизмов как замены табу. Сходную точку зрения встречаем у А.А. Реформатского [18, с. 56].

2. Эвфемизмы, которые применяются, когда говорящий пытается избежать употребления в своей речи прямого наименования того, что вызывает у него неприязнь [10, с. 99].

3. Этикетные эвфемизмы используются с целью избежать нанесения обиды себе, собеседнику либо третьему лицу, так как говорящий предполагает, что человек, о котором идет речь, может воспринять их негативно [Там же, с. 111].

4. Бытовые эвфемизмы (по определению Б.А. Ларина) называют то, что считается неприличным в данную эпоху в данном обществе [9, с. 298–299].

5. Маскирующие эвфемизмы, искажающие сущность высказывания [10, с. 118], в частности политические эвфемизмы [Там же, с. 122]: *корректировать* стратегии потребления (вм. *сокращать расходы*) (Новая газета. 2 окт. 2008) [19, с. 8].

6. Эвфемистическое обозначение непрестижных профессий, организаций, имен собственных (такие заменяются так называемым мелиоративным именем): *техничка* (вм. *уборщица*) [Там же с. 138].

Русские писатели, обращаясь к известным темам и мотивам, активно употребляли эвфемизмы, что становилось немаловажной особенностью их идиостилей. В.В. Виноградов считал индивидуальный стиль «системой средств и форм художественного выражения», имеющей структурное единство,

* Работа выполнена под руководством Москвина В.П., доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета

складывающуюся под непосредственным влиянием исторических условий [2, с. 169]. Ученый считал данное понятие основным в рамках анализа художественного текста с точки зрения его лингвистических особенностей [Там же]. Таким образом, под идиостилем принято понимать «специфические индивидуальные особенности художественных текстов данного носителя языка» [5, с. 19]. По мнению В.В. Леденевой, писатель выделяет предпочтительные для себя языковые средства и определенную стилистически окрашенную лексику, а значит, важнейшим свойством идиостиля является избирательность [6, с. 12].

Нам представляется, что идиостиль А.С. Пушкина как нельзя лучше иллюстрирует явление эвфемии в художественной речи. При этом избирательность идиостиля писателя прослеживается в выборе тем, которые подвергаются эвфемизации, а также в предпочтении определенных средств создания эвфемистической зашифровки. Рассмотрим тематические сферы, которые поэт чаще всего подвергает смягчению, и приемы, которые он при этом использует.

1. Пушкин применяет эвфемизмы при упоминании пугающих предметов и явлений (таких, как смерть, болезни, приводящие к ней, нечистая сила).

*Быть может, там, где все блистает
Нетленной славой и красотой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия... [14, с. 190]*

В стихотворении местоимение *там* употребляется для указания на **загробный мир**, т. е. на понятие, традиционно относящееся к табуированным. Этот пример иллюстрирует один из приемов **нарочито неясной речи – прономинализацию**. Это одна из возможных реализаций фигуры abstractum pro concreto (т.е. перенос с абстрактного понятия на конкретное [10, с. 182]) – замена имени существительного местоимением [8, с. 477]. Обратимся к еще одному примеру, где эвфемизм использован для косвенной номинации табуированной темы смерти: *Между тем, как он кончался* (ср. *умирал. – О.Х.*), *Дух лукавый подоспел...* [15, с. 181]. У слов *кончатся* и *умирать* есть общие семы, на которых основана замена родовым понятием: 1) ‘прекращаться’ – прекращать жить; 2) ‘приходить к концу’ – приходить к концу жизни [11, с. 293]. Но слово *кончатся* обладает более широким значением в отличие от слова *умирать*: кончиться может фильм, молоко, терпение, а не только жизнь. Следовательно, оно является родовым по отношению к слову *умирать*. В данном случае мы наблюдаем использование автором приема **нарочито неясной речи**, а именно **гиперонимизацию** – одну из разновидностей фигуры abstractum pro concreto, представляющую собой замену видового наименования родовым [10, с. 182]. В приведенном примере нейтральная оценка слова *кончатся* сохранена, эвфемистическая функция уже не осознается носителями языка [20, с. 101].

В стихотворениях Пушкина находим пример, где автор подвергает зашифровке слово *черт*, представляющее собой табуированное название нечистой силы. Поэт называет дьявола *лукавым*, что является **узультим эвфемизмом**. С помощью **антономасии** («замены имени существительного определением»), которое выражает свойство предмета, выделяющее его среди других, присущее только ему [9, с. 200]). Несомненно, автор достигает при этом исключительной выразительности слога, он сближает речь с народной, тем самым создавая неповторимую смесь литературного и разговорного языка: *Шалит Марусенька моя; Куда ее лукавый носит?* («Гусар» [13, с. 294]).

2. Этикетные эвфемизмы позволяют автору не задеть чьи-либо чувства, избежать нанесения обиды себе, собеседнику либо третьему лицу [10, с. 111].

*Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе,
И тише звук похвал твой слух обворожает,
А зеркало сильней грозит и упрекает [13].*

Здесь поэт, обращаясь к женщине, чтобы не задеть ее самолюбие, не прямо говорит ей о том, что она переходит в зрелый возраст, а эвфемистически называет его *сомнительной порой*, используя *перенесение с рода на вид – гиперонимизацию, как прием нарочито неясной речи* (слово *пора́* в значении *время* [11, с. 563] является родовым, т.е. более широким, по отношению к слову *возраст* в значении *количество прожитого времени* [Там же, с. 93]). Контекст позволяет понять, что автор под смягченным выражением *зеркало сильней грозит и упрекает* подразумевает такие неприятные для любой представительницы прекрасного пола признаки старения, как морщины и прочее. На возрастные изменения, таким образом, поэт намекает при помощи осложненного олицетворением *металепсиса* (греч. *μετάληψις* ‘перемена, обмен’) – вида метонимического переноса, состоящего в использовании описания какой-либо ситуации через явления, которые каким-то образом связаны с ней [8, с. 308].

3. Касаясь темы отношений между полами, Пушкин также использует эвфемистические замены. В стихотворении «Из письма Вигелю» читаем: *И красотой нестрогих дев!* Здесь употреблен *мейозис* (греч. *μείωσις* ‘уменьшение’) – «тип перенесения с вида на вид», состоящий в замене слова синонимом, содержащим меньшую степень интенсивности признака [Там же, с. 306]. Автор использует *номинацию через отрицание*, в приведенной строчке Пушкин применяет один из наиболее продуктивных способов реализации такой фигуры – образование производных с использованием префикса *не-* от слова, которое следует подвергнуть зашифровке (*строгих* → *нестрогих*). Этот пример («эвфемизм через отрицание») показывает, что в основу эвфемизации может лечь *нарочито неточная речь* [10, с. 205].

Неясность речи также является средством, которое часто используется Пушкиным при эвфемистическом описании *темы любви*. Э. Бенвенист отмечал, что одним из первоначальных значений самого термина *эвфемизм* в рамках культового обряда являлось значение «хранить молчание» [1, с. 370–372] (ср. лат. *faveo* – ‘благоговейно молчать, безмолвствовать, не проронить ни слова’) [6, с. 85]. *Умолчание* [калька лат. *obticentia* < *obticeo* ‘молчу’] – «фигура нарочито неясной речи, состоящая в эмфатическом обрыве высказывания в расчете на то, что его адресат догадается, о чем идет речь: а) по ситуации; б) по предтексту» [8, с. 631]. И А.С. Пушкин виртуозно пользуется этим приемом для описания *отношений между полами*:

*Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой,*

И ты, склоняясь к его плечу... (Гречанке. [14, с.191])

Читатель по ситуации легко догадается, на что намекает автор.

4. Сфера осуждаемых тем (воровства, разбоя, грабежа) часто описывается Пушкиным при помощи маскирующих эвфемизмов. Так, в поэме «Братья Разбойники» церковнославянизм *ловитва* заменяет русское слово *разбой*:

*Потом на прежнюю ловитву
Пошел один... [16, с. 125].*

В приведенных строчках мы видим *метономазию* – замену номинативного средства родного языка синонимом иноязычного происхождения. Метономазию принято относить к *ассоциативно нейтральной речи* [10, с. 209].

К эвфемистически релевантным отнесем и тему *денежного долга*:

*И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня... (К Языкову. [15, с. 145]).*

Долговые обязательства оформлялись на гербовой бумаге [15, с. 572] и Пушкин на основании соприкосновения понятий «гербовая бумага» и «долг» в одном из стихотворений использует **метонию** (перенос на основании смежности двух понятий): *Гербовые заботы*, имеет место перенос по формуле ‘заботы, связанные с записями на гербовой бумаге’ → ‘заботы по долговым обязательствам, оформляемые на гербовой бумаге’. С помощью эвфемистического выражения *схватили за полы* автор в смягченной форме намекает адресату, что находится в тяжелом положении должника.

Особое место в творчестве поэта занимают иронические, шуточные эвфемизмы, для создания которых автор активно использует приемы **двусмысленной речи**:

Поэт Фита, не становись Фёртом!
Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах! [Там же, с. 56].

Ижица – последняя буква старого русского алфавита [11, с. 237]. Здесь наблюдаем **незамкнутую метафору**, «ближайший контекст которой не раскрывает ее смысла» [8, с. 350]. От метонимии метафора отличается тем, что прямое и переносное значения слова обладают каким-либо общим для них признаком; с помощью последней писатель показывает свое отношение к творчеству Н.Ф. Глинки (*ижица в поэтах*, ср. *последний среди поэтов*). Еще одним примером **шутового эвфемизма** могут послужить строки из стихотворения «Eх ungue Leonem»:

*Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз* [15, с. 64].

Здесь использован намек по формуле «pars pro toto». В качестве средства создания иронических эвфемизмов поэт нередко применяет и **антифразис** (греч. *ἀντιφράζειν* ‘говорить противоположное’) – фигуру **двусмысленной речи**, заключающуюся в применении слова в противоположном значении [8, с. 102]. Это «вид иронии, который строится на противопоставлении, то есть с лексической точки зрения на антонимии» [20, с. 37]. Например:

*Супругою твоей я так пленился,
Что если б три в удел достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал сатане,
Чтоб третью лишь принять он согласился* [14, с. 314].

Глагол *пленился*, имеющий свое основное значение *поддался очарованию, увлекся* [11, с. 450], в данном контексте приобретает другое истолкование – ‘совершенно не увлекся’. При этом он вызывает отрицательные ассоциации, связанные с женщиной, о которой идет речь (‘некрасивая’, ‘сварливая’, etc.). Этим же приемом поэт пользуется и в другой эпиграмме:

*Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан* [15, с. 23].

В прямом значении словосочетание *соперник Аполлона* толкуется как ‘красивый мужчина’ [21, с. 33–34]. В контексте эпиграммы фраза приобрела значение ‘неуч’. Парафраз *Бельведерский Митрофан*, на наш взгляд, подчеркивающий эффект антифразиса, представляет собой **прономинацию** (одну из метафорических фигур, характеризующуюся экспрессивным употреблением имени собственного, которое приобретает значение нарицательного) [8, с. 477], усиленную здесь **текстовой аллюзией** (отсылкой) на комедию Д. И. Фонвизина [8, с. 613]. Имя собственное *Митрофан* используется в переносном значении ‘недоросль, невежда’ [3, с. 75]. Этот эвфемизм относится уже к числу **фигур интертекста**, базирующихся на наличии определенного комплекса ассоциаций, создающего связь между литературными текстами [8, с. 227, 642].

На основе проанализированных выше фактов можно сделать вывод о том, что эвфемизмы занимали значительное место в идиостиле Пушкина. Поэт чаще всего прибегает к эвфемистической замене, когда пишет об отношениях между полами, касается табуированных явлений, вызывающих страх (смерть, нечистая сила), при этом зачастую шутливо или иронически. По нашим наблюдениям, есть у Пушкина и излюбленные средства эвфемистической зашифровки: к ним относятся приемы двусмысленной и нарочито неясной речи.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / перев. с франц. Вступ. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.
3. Кондратьева Т.Н. Метафоры собственного имени: опыт словаря: научн. ред. А.Т. Липатов. Казань: Изд-во Казанского университета. 1983.
4. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин. 1994. № 1–2. С. 28–49 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm#1> (дата обращения: 29.11.2016).
5. Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Часть 1: учебно-методическое пособие / отв. ред. Н.А. Лукьянова. Новосибирск: Новосибирский госуниверситет. 1999.
6. Леденева В.В. Идиостиль как система отношений // Вестник Тамб. гос. ун-та. 2001. № 5.
7. Миронина А.Ю. Эвфемизм как явление языка и культуры (лингвистический и лингвокультурологический анализ) // Вестник ВятГУ. 2010. №2 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evfemizm-kak-yavlenie-yazyka-i-kultury-lingvisticheskiy-i-lingvokulturologicheskii-analiz> (дата обращения: 06.11.2016).
8. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс». 2007.
9. Москвин В.П. Стилистика русского языка: Теоретический курс. Изд. 4-е, перераб. и доп. Ростов на-Дону: Феникс. 2006.
10. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 4-е, стереотип. М.: Изд-во научной и учебной литературы «УРСС». 2010.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: А ТЕМП. 2006.
12. Похилюк Е.Н. Проблема изучения эвфемизмов в русском языкознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 138–141.
13. Пушкин, А.С. Я был свидетелем твоей золотой весны... [Электронный ресурс]. URL : http://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/05misc23_36/1825/0662.htm (дата обращения : 08.12.2016)
14. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 1. Стихотворения 1813–1824. М: Худ. лит. 1974.
15. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т.2. Стихотворения 1825–1836. Примеч. Т. Цявловской. М: Худ. лит. 1974.
16. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т.3. Поэмы. Сказки. Примеч. С.М. Бонди. М: Худож. лит.. 1975.
17. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т.9. Письма 1815–1830 годов. Примеч. И. Семенко. М: Худ. лит.. 1977.
18. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс. 1996.
19. Саня Сич-Загоршак. О политических эвфемизмах в современном русском языке // Croatica et Slavica Iadertina. 2009. Vol. V. С. 235–249.
20. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М: Наука-Флинта. 2012.
21. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. 2-е изд. М: Локид-Пресс. 2005.

HRAMUSHINA O. S.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

EUPHEMISMS IN LITERARY SPEECH (EXTENUATING APPELLATIVES IN A.S. PUSHKIN'S POETRY)

The study analyzes poems of A.S. Pushkin in terms of the presence of extenuating appellatives. The functional types of A.S. Pushkin's euphemisms and preferable means of formation euphemistic appellatives in poetry of A.S. Pushkins are considered.

Key words: A.S. Pushkin, poetry, euphemism, figure of style, idiostyle.